

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УЧАСТИЯ РОССИИ В КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЕ (постановка проблемы)

В обширной историографии «эпохи 1812 года» работ, где в той или иной степени затрагиваются вопросы участия России в континентальной блокаде, очень немного, чтобы не сказать мало. Причем труды эти по большей части носят описательный характер. В то же время количественные исследования, без которых сложно говорить о действительном влиянии, которое оказала континентальная блокада на экономику России, практически отсутствуют. Цифры же, приводимые отечественными историками, служат им скорее иллюстрацией сделанных выводов, чем основанием для беспристрастного анализа.

Очевидно, что количественные исследования невозможны без привлечения значительного числа статистических сведений. Лучше всего в этом плане обстоят дела с данными о вексельном и денежном курсе рубля, которые регулярно публиковались в Санкт-петербургских и Московских ведомостях. Сложнее - с таможенной статистикой. Официальные отчеты о состоянии внешней торговли, которые издавались Министерством коммерции с 1802 г. под названием «Виды государственной торговли», за 1808-1811 гг. (период участия России в континентальной блокаде) так и не были опубликованы. Трудно сказать, почему это не было сделано тогда. «Санкт-петербургские коммерческие ведомости» вплоть до своего закрытия в 1810 г. (вместе с ликвидацией Министерства коммерции) продолжали печатать на своих страницах многочисленные, хотя и не полные, статистические данные по внешней торговле¹. Но еще удивительнее, почему эти отчеты до сих пор практически не введены в научный оборот, ведь таблицы о состоянии государственной внешней торговли, по крайней мере за 1808 и 1809 гг., подготовленные министром коммерции Н.П. Румянцевым, никуда не пропали и находятся сегодня в Российском государственном историческом архиве в фонде Департамента экономии Государственного совета*.

Впрочем, как бы ни важны были эти данные сами по себе, они мало что могут сказать о том действительном влиянии, которое континентальная блокада оказала на экономику и население России. Потребителю в общем-то не важно, сколько пудов кофе или сахара было привезено из-за границы в том или ином году. Гораздо больше его интересуют цены, по которым он имеет возможность купить эти товары. Точно так же производителю все равно, куда экспортируется его пенька, что его действительно интересует - так это цена, по которой он может свою пеньку продать. Разумеется, на уровне цен в этот период очень сильно сказалось падение курса ассигнаций. Однако уже современники высказывали сомнение, что это падение было вызвано какими-либо изменениями в торговом балансе в результате участия России в континентальной блокаде².

Вместе с тем именно с изучением цен в нашей историографии дела обстоят хуже всего. По таким странам, как Англия, Германия, Франция, США и Австрия, а также Голландия, в 30-е и 40-е годы прошлого столетия были собраны многочисленные данные о фактических ценах, что стало возможным во многом благодаря усилиям Международного научного комитета по истории цен³. В России, несмотря на неоднократные призывы ряда известных отечественных ученых изучать историю русских цен⁴, общие исследования по этой проблематике до сих пор отсутствуют. Единственным исключением из этого печального правила является изучение истории хлебных цен. Но и здесь встречаются пробелы. Так, например, в работе Б.Н. Миронова «Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.)», где розничные цены на рожь приведены, за некоторым исключением, практически за весь период с 1707 по 1915 гг., данные за 1808 г. пропущены.

* См.: РГИА. Ф. 1152. Оп. 14. Д. 119, 120.

Таким образом, если зарубежные исследователи континентальной блокады могут воспользоваться трудами других авторов⁵, то в отечественной историографии в этом направлении предстоит еще сделать первые шаги.

К сожалению, современники фактически не оставили целостной картины изменения цен в начале XIX столетия. Так, у Ф.Г. Вирста, например, приведены цифры только по четырем, хотя и основным, экспортным товарам, к тому же они заканчиваются 1806 г. К. Ардольд дает уже сравнение цен трех импортных и семи экспортных товаров. Но его данные относятся к 1804 и 1812-1814 гг., не затрагивая, таким образом, собственно периода участия России в континентальной блокаде. Большинство остальных авторов и вовсе приводят цифры всего за два года, причем также по ограниченному кругу товаров.

В дальнейшем ситуация не претерпела каких-либо значительных изменений. М.Ф. Злотников в своей работе «Континентальная блокада и Россия», так и оставшейся единственной монографией в отечественной историографии по этой теме, ценам посвящает всего несколько страниц⁶. Фактически он лишь приводит ряд таблиц, призванных продемонстрировать снижение цен российского экспорта и рост цен на импортные товары. В первой, где сравниваются цены на основные продукты российского экспорта в ноябре 1803 г. и марте 1808 г., воспроизводятся данные из депеши французского посла А. Коленкура. В трех других содержатся заимствованные из архива Н.С. Мордвинова данные о ценах ряда экспортных и импортных товаров в 1804 и 1809 гг. как в серебряных рублях, так и в ассигнациях.

Впервые серьезную попытку самостоятельного анализа изменения цен в годы континентальной блокады предпринял в 1981 г. Саулюс Гирниус в своей диссертации «Россия и континентальная блокада», подготовленной в Университете Чикаго. Опираясь на доступные ему опубликованные источники, он исследовал прежде всего «официальные» цены товаров, т.е. те цены, на основе которых создавались таможенные ведомости о стоимости экспорта и импорта. При этом он отмечает, что эти цены существенно отличались от «рыночных» или «биржевых» цен, которые публиковались в «Санкт-Петербургском Прейс-Куранте». Как правило «официальные» цены - не только импортных, но и экспортных товаров - оказывались значительно ниже «биржевых», причем по годам это отклонение не было одинаковым. Не имея данных о ценах, опубликованных в «Прейс-Куранте», за все годы континентальной блокады, С. Гирниус тем не менее произвел их оценку на основании динамики «официальных» цен и пришел к следующим выводам.

Экспортные цены, выраженные в ассигнационных рублях, росли на протяжении всего периода континентальной блокады, за исключением 1808 г. С учетом же изменения вексельного курса рубля их понижение по сравнению с 1806 г. составило от 10 до 50%. Цены на импортные товары в ассигнационных рублях росли до 1811 г., после чего они начали снижаться. В пересчете по вексельному курсу рубля импортные цены оставались в годы континентальной блокады относительно стабильными, не более чем на 20% превышая уровень цен в 1806 г. Таким образом, хотя цена импортных товаров по отношению к экспортным в эти годы была относительно более высокой, «Россия не испытывала больших трудностей, распространенных на остальной части континента»⁷.

Исследования, начатые С. Гирниусом, необходимо продолжить, дополнив их рассмотрением «биржевых» цен, публиковавшихся в «Прейс-Куранте». Этот «Прейс-Курант» издавался государственной Коммерц-коллегией еженедельно, а в течение навигации даже два раза в неделю. Подборка «Санкт-Петербургского Прейс-Куранта» за 1803 г. и 1806-1809 гг. сохранилась в коллекции Русского Книжного фонда Российской национальной библиотеки. Что, впрочем, не делает их более доступными для отечественных исследователей, так как, по сообщению библиотечных работников, в «целях сохранности издание копированию не подлежит». Таким образом, для их введения в научный оборот потребуются время и некоторые усилия.

В этой связи особый интерес представляет работа Ю. Карцова и К. Военского «Причины войны 1812 года», в которой была напечатана таблица, содержащая цены на ряд импортных и экспортных товаров за 1802, 1803 и 1807-1812 гг., извлеченных из вышеупомянутых «Прейс-Курантов»⁸. К сожалению, эта публикация не лишена ряда недостатков. Во-первых, авторами были взяты максимальные цены за каждый год, и

хотя по многим позициям приведено две, а в одном случае даже три цифры за год, это все равно не позволяет вычислить среднегодовые цены. Впрочем, несколько искажая динамику цен, указанный недостаток в значительно меньшей степени сказывается на соотношении импортных и экспортных цен. Гораздо важнее другой недостаток сделанной Ю. Карцовым и К. Военским выборки. Приведенные ими цены охватывают лишь от 30 до 50% стоимости экспорта и импорта С.-Петербургского порта за соответствующие годы. Так, среди импортных товаров отсутствуют цены на шерстяные товары, и в частности сукно, по экспортным не хватает цен на сало и железо. И все же имеющуюся выборку можно признать сравнительно репрезентативной.

С 1812 г. возобновилась ежегодная публикация Видов государственной внешней торговли, которые отныне содержали данные о среднемесячных ценах российских и иностранных товаров, полученные на основании «Прейс-Курантов»⁹. Таким образом, имеется возможность дополнить данные, приведенные Ю. Карцовым и К. Военским, и несколько расширить рамки исследования, рассчитав на основании указанных таблиц «о сложных помесечных ценах» уже среднегодовые цены за 1812-1815 гг. Соединив вместе оба источника, можно составить таблицу экспортных и импортных цен в России с 1802 по 1815 г. (для 1812 г. были взяты цены из Видов государственной торговли).

Таблица 1

Индексы импортных и экспортных цен в России, 1802-1815 гг.

Наименование товаров	Год										
	1802	1803	1807	1808	1809	1810	1811	1812	1813	1814	1815
Цена, в руб. ассигнациями											
Экспортные товары											
Лен новгородский	75,00	75,00	65,00	60,00	100,00	125,00	120,00	133,93	150,32	193,13	205,50
Равендук	14,00	15,00	17,00	16,00	23,00	34,00	33,00	26,72	26,55	36,14	40,83
Полотно фламское	22,00	23,00	26,00	26,00	34,00	54,00	53,00	47,07	44,97	51,67	60,71
Полотно парусное	24,00	22,00	33,00	30,00	45,00	80,00	70,00	62,18	56,15	63,92	77,38
Пенька	37,00	45,00	51,00	42,00	83,00	89,00	105,00	105,33	117,34	96,41	102,55
Пшеница	11,00	10,50	11,00	13,00	16,00	19,00	21,00	24,69	29,33	27,80	28,77
Индекс цен	82,00	91,00	1,00	87,0	1,54	1,88	2,01	1,98	2,14	2,12	2,31
Импортные товары											
Бумага хлопчатая	40,00	40,33	100,00	210,00	200,00	250,00	300,00	157,14	147,50	155,52	181,21
Вино	425,00	400,00	550,00	700,00	987,50	1100,00	1300,00	1364,16	120938	11351	1179,96
Кофе	22,00	24,50	45,00	70,00	60,00	60,00	77,00	53,57	54,49	56,28	66,33
Олово прутовое	17,00	16,00	26,00	70,00	63,00	70,00	82,00	64,29	47,38	54,38	66,73
Перец черный	23,00	19,00	20,00	60,00	58,00	40,00	48,00	38,07	37,67	52,33	55,77
Пшено сарацинское	9,00	5,00	7,00	15,00	12,00	10,00	9,00	8,25	13,27	21,97	19,64
Сахар	20,00	21,00	28,00	62,00	70,00	82,00	82,00	70,22			
Сахарный песок								34,65	38,74	39,74	40,74
Индекс цен	0,68	0,68	1,00	2,04	2,22	2,54	2,73	2,23	2,31	2,40	2,52
Индекс условий торговли	1,22	1,35	1,00	0,43	0,69	0,74	0,74	0,89	0,92	0,88	0,91
Импорт/Экспорт.	0,82	0,74	1,00	2,34	1,44	1,35	1,36	1,13	1,08	1,13	1,09

На основе полученных цен были рассчитаны индивидуальные базисные индексы, причем за базисный был принят 1807 г. Затем - сводные индексы экспортных и импортных цен, где в качестве весов использовалась стоимость соответствующих

товаров в базисном году, и наконец, так называемый индекс условий торговли (отношение индекса экспортных цен к индексу импортных цен), который позволяет оценить влияние изменения цен на состояние внешней торговли (см. табл. 1). Принято счи

тать, что если индекс условий торговли растет, то движение экспортно-импортных цен благоприятно для торговли соответствующей страны.

Таблица 2

Изменение относительных цен на готовый сахар и сахарный песок в России, 1803-1813 гг.

Год*	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810	1811	1812	1813
в %										
Сахар-рафинад	99	98	95	114	197	260	219	-	168	-
Сахарный песок	88	75	71	71	94	105	108	161	110	111

* 1803 год принят за 100%

Цены пеньки и льна в вышеприведенной таблице даны за берковец (10 пудов), при этом для пеньки взята цена 1-го сорта, а льна до 1813 г. - цена за новгородский, а начиная с этого года за 1-й сорт. Цены равендука, фламского и парусного полотна указаны за кусок в 50 аршин, здесь также взяты цены полотна лучшего качества. Цена пшеницы приведена за четверть. Что касается импортных цен, то все они показаны за пуд, за исключением вина, где цена указана за пипу¹⁰. При этом цена вина получена как средняя из цен малаги и португальского красного. Все цены указаны в ассигнациях. Таким образом, изменение индексов экспортных и импортных цен отражает как собственно динамику цен, так и изменение курса рубля. Но при расчете индекса условий торговли влияние инфляционных процессов взаимно уничтожается, поэтому использование таких цен вполне приемлемо.

Таблица 3

Изменение относительных цен на пряжу и хлопок-сырец в России, 1803-1813 гг.

Год*	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810	1811	1812	1813
в %										
Пряжа	97	95	90	76	127	165	138	-	117	121
Хлопок	97	94	129	151	143	116	133	66	65	62

Особо надо сказать о выборе 1807 г. в качестве базисного года. Уже вскоре после объявления о заключении Тильзитского мира появились слухи о возможном разрыве с Англией, что не могло не отразиться на ценах. Когда же разрыв стал фактом, «биржевые» цены на импортные товары, несмотря на то, что навигация уже была фактически закончена, резко подскочили вверх. Тем не менее использование в качестве базисного любого другого года из тех, за которые имеются данные о ценах, не вносит принципиальных изменений в полученные индексы. Таким образом, с точки зрения изучения влияния континентальной блокады на экономику России в целом, использование 1807 г. в качестве базисного вполне оправдано.

Таблица 4

Изменение цен на товары российского экспорта в России и в отдельных странах Европы, 1806-1813 гг.

Город	1807*	1808	1809	1810	1811	1812	1813
в %							
Пенька							
С.-Петербург	86	55	71	67	75	81	90
Гамбург	102	118	127	114	111	101	93
Лондон	113	186	153	106	101	134	112
Лен							
С.-Петербург	87	64	83	82	81	88	99
Гамбург	99	127	126	126	126	124	100
Лондон	107	161	151	101	95	125	109

Сало							
С.-Петербург	81	66	80	77	72	73	94
Гамбург	99	134	117	115	113	114	118
Лондон	104	148	134	108	82	109	120

* 1806 г. принят за 100%.

Полученные результаты свидетельствуют, что присоединение России к континентальной блокаде оказало, конечно, негативное влияние на условия отечественной внешней торговли. Индекс условий торговли в 1808-1811 гг. упал в среднем на 35% по сравнению с 1807 г., опустившись до 0,65. Тогда как до этого, в 1802-1803 гг., он составлял 1,28 (т.е. экспортные цены были относительно выше импортных цен), а в 1812-1815 гг., хотя и оставался ниже единицы, все же подрос до 0,9.

Таблица 5

Изменение цен на импортные товары в России и в городах Европы, 1807-1812 гг.

Город	1807*	1808	1809	1810	1811	1812
в %						
Кофе						
С.-Петербург	95	118	85	60	64	61
Гамбург	107	197	171	131	181	231
Лейпциг	98	159	144	119	137	158
Сахар						
С.-Петербург	95	167	159	132	109	128
Гамбург	99	240	220	292	302	181
Лейпциг	99	199	212	246	249	286

* 1806 г. принят за 100%.

Вместе с тем масштаб этого влияния был, вне всякого сомнения, переоценен. В 1808 г. российская внешняя торговля действительно пережила настоящий шок. Индекс условий торговли упал сразу на 57%. Дело в том, что не только импортные цены в этом году выросли более чем в 2 раза, но и экспортные цены снизились в среднем на 13%. Однако уже со следующего года индекс условий торговли начинает расти, что было вызвано более быстрым ростом экспортных цен относительно импортных. Только за 1809 г. экспортные цены выросли на 67% по сравнению с 1808 г., в то время как импортные цены увеличились лишь на 18% за это время. В результате индекс условий торговли поднялся с 0,43 до 0,69, или на 62%. В следующем, 1810 г. индекс условий торговли повысился еще на 7% (до 0,74) и оставался практически на том же уровне в 1811 г.

Итак, после шока 1808 г. условия внешней торговли, несмотря на продолжающееся участие России в континентальной блокаде, довольно быстро улучшались, что нашло свое отражение в росте индекса. С другой стороны, в 1812-1815 гг., хотя Россия вышла уже из континентальной блокады, индекс условий торговли не продемонстрировал какой-либо явно выраженной динамики: он то рос, то снижался. При этом импортные цены по-прежнему оставались относительно выше экспортных цен.

Отдельный интерес представляет сравнение значений индекса условий торговли за 1808 и 1809 гг., а также за 1810 и 1811 гг.

Как было показано выше, индекс условий торговли в 1809 г. резко вырос по сравнению со столь же резким падением годом ранее, т.е. налицо явное улучшение условий торговли. Между тем в том, что Россия в 1809 г. продолжала строго соблюдать условия континентальной блокады, никто из историков не сомневается. В таком случае логично предположить, что причиной шока, поразившего отечественную внешнюю торговлю в 1808 г., стало не только и даже не столько присоединение России к континентальной блокаде само по себе. Дело в том, что английская эскадра адмирала Сумареса, выполняя постановления королевского совета (Orders in Council) от 11 ноября 1807 г., надежно блокировала в этом году проходы в Балтийское море, полностью парализовав там торговое мореплавание¹¹. В то же время российский военно-морской флот не смог оказать какой-либо помощи отечественной коммерции, которая сильно зависела от прихода иностранных судов в наши порты.

Обратная картина складывается при сравнении индекса условий торговли за 1810 и 1811 гг. Большинство историков полагает, что в 1811 г. Россия фактически перестала соблюдать условия континентальной блокады, связывая это с принятием «Положения о нейтральной торговле на 1811 год»¹². В то же время изменения в индексе условий торговли в эти годы, как видно из таблицы, практически отсутствуют. В действительности в 1811 г. индекс даже снизился на доли процента, но это, возможно, связано с погрешностями вычислений. Иначе говоря, формальные облегчения, сделанные в указанном «Положении...» в отношении нейтрального мореплавания, никаких реальных изменений в условиях отечественной внешней торговли не произвели. Да по большому счету и не могли произвести, поскольку российское влияние на торговое мореплавание в этом случае было только пассивным. В отличие от Англии, чей военно-морской флот активно вмешивался в условия торговли, действительно позволяя или нет торговое мореплавание нейтральным судам.

Таким образом, рассмотрение изменений импортных и экспортных цен позволяет сделать вывод о том, что негативное влияние континентальной блокады на условия российской торговли ограничивается фактически одним 1808 г. Начиная с 1809 г. и вплоть до выхода России из режима континентальной блокады в 1812 г. условия торговли значительно улучшились и не претерпевали значительных колебаний. К тому же негативное влияние было вызвано не столько разрывом торговых отношений с Англией, сколько действиями английского военно-морского флота на торговых коммуникациях.

Не менее интересные результаты дает сравнение изменения цен на отдельные товары.

Чаще всего в качестве иллюстрации невыгодности континентальной блокады для России приводится сравнение цен на сахар. Несмотря на то что в начале XIX в. сахар в России не вошел еще во всеобщее употребление, для большинства населения его заменял мед, объем потребления сахара в силу его незначительной эластичности мало зависел от его цены. Следовательно, повышение цены сахара негативно сказывалось на тех классах населения, для которых он стал уже привычным продуктом потребления.

В Архиве графов Мордвиновых опубликованы два документа, содержащие сведения о цене сахара в 1804 и 1809 гг. В одном они приведены в рублях серебром, в другом - в ассигнациях. Однако, используя курс ассигнационного рубля за эти годы, написанный в конце одной из таблиц рукою самого Н.С. Мордвинова, получить вторые из первых не получается. И если для 1804 г. погрешность составляет всего 50 коп., то для 1809 г. она увеличивается уже до 7,6 руб. ассигнациями (т.е. отклонение составляет более 10%!)¹³. Кроме того, судя по данным, приведенным в книге Ю. Карцева и К. Военского, за 1809 г. указана максимальная цена сахара, тогда как цена пеньки показана, в лучшем случае, средняя. Если использовать данные, приведенные выше в таблице, то получится, что биржевая цена сахара относительно пеньки выросла в 1809 г. по сравнению с 1803 г. только на 81%, т.е. в два раза меньше, чем это следует из расчетов на основании данных из архива Мордвиновых.

Наряду с готовым сахаром Россия импортировала и сахарный песок, служивший сырьем для отечественной сахаро-рафинадной промышленности. Но если объем импортированного сахара составил в 1802 г. 17,9% от общего объема импорта С.-Петербургского порта, то на долю сахарного песка пришлось менее 1%. Всего в 1802 г. в Россию было привезено лишь 47,9 тыс. пудов сахарного песка. Картина меняется с началом континентальной блокады. Даже в 1808 г., несмотря на сокращение объемов внешней торговли, сахарного песка было привезено 96,4 тыс. пудов, или в 2 раза больше, чем в 1802 г. В 1809-1810 гг. привоз сахарного песка увеличивается еще больше и составляет в среднем 274,2 тыс. пудов в год¹⁴. В то же время импорт готового сахара сокращается.

Этому легко найти объяснение, если рассмотреть сравнительную динамику цен готового сахара и сахарного песка. Не располагая полными данными о биржевой цене сахарного песка, возьмем цены сахара и сахарного песка, которые были объявлены в таможне, и посмотрим, как они изменились относительно таких же цен пеньки (см. табл. 2). При этом ряд относительных цен за указанные в табл. 2 годы получается путем деления цены сахара (сахарного песка) на цену пеньки. После чего 1803 г. принимается за 100%. Получается, что относительные цены готового сахара выросли в 1809 г. на

160% по сравнению с уровнем 1803 г. Тогда как относительные цены сахарного песка увеличились за тот же период всего на 5%. В этих условиях более выгодными стали закупки сахарного песка и последующая его переработка на отечественных сахарорафинадных заводах. Таким образом, континентальная блокада фактически оказала поддержку отечественной сахарорафинадной промышленности¹⁵. Высокие цены на готовый сахар при относительно низких ценах на сырье привели к тому, что количество сахарорафинадных заводов стало увеличиваться.

Аналогичная картина имела место и с ценами на хлопок-сырец и хлопчатобумажную пряжу. Для расчетов используем цены, объявленные в таможне, и рассмотрим их относительно опять-таки цен пеньки как основного экспортного товара (см. табл. 3). В результате получим, что относительная цена пряжи увеличилась в 1809 г. на 65% по сравнению с 1803 г., в то время как цены на хлопок-сырец поднялись только на 16%. Так что и в этом случае более выгодным оказывалось импортировать сырье, а не готовую продукцию.

В самом деле, если в 1803 г. в Россию было привезено 65,8 тыс. пудов пряжи и менее 12 тыс. пудов хлопка-сырца, то в 1809 г. привоз хлопка сырца составлял уже 48,3 тыс. пудов против 52,8 тыс. пудов пряжи¹⁶. Впрочем, импорт хлопчатобумажной пряжи, как видно из приведенных цифр, сократился незначительно. Это объясняется тем, что в отличие от сахарорафинадных заводов, в России к этому времени практически не было хлопкопрядильных мануфактур, за исключением образцовой правительственной фабрики - Александровской мануфактуры в С.-Петербурге. Тем не менее и здесь разрыв в ценах создал благоприятную почву для частного предпринимательства. В 1808 г. купцом Пантелеевым была основана в Москве первая частная бумагопрядильная фабрика¹⁷, а уже к началу 1812 г., согласно докладу управляющего Александровской мануфактуры, таких заведений было шестнадцать¹⁸. К сожалению, большая их часть находилась в Москве и не смогла восстановиться после французского нашествия. Тем не менее вполне допустимо утверждать, что континентальная блокада вызвала к жизни новую отрасль промышленности.

Таким образом, динамика цен на различные товары в годы континентальной промышленности, несмотря на их общий рост, была в целом благоприятна для развития отечественной промышленности. Цены на сырье росли более медленными темпами, в то время как рост цен на готовую продукцию гарантированно давал необходимую прибыль желавшим заняться ее производством. И надо сказать, что российское правительство с самого начала указывало на такую возможность, отмечая, что «высокие цены, прельщая промышленность в народе, заставят те же товарные статьи производить дома и посредством труда искать прибылей, теми товарами приносимых»¹⁹.

Об успехах отечественной промышленности можно судить хотя бы по тому, что с принятием уже упоминавшегося «Положения о нейтральной торговле» привоз готового сахара в Россию был вовсе запрещен, наряду с еще 390 статьями других наименований. Поскольку в приложении к вышеупомянутому «Положению...» содержались росписи товарам, разрешенным к отпуску и привозу, вместе с установленными на них ставками таможенных пошлин, его обычно, хотя и не совсем справедливо, называют тарифом 1811 г. Первоначально он был принят на один, 1811 год, но затем ежегодно продлевался вплоть до 1816 г. Когда же в 1816 г. правительство решило его отменить, то в ходе возникшей дискуссии Н.С. Мордвинов указывал, что цена мануфактурных товаров, как бы ни была она высока, все-таки не столь отяготительна для населения. В вычислении цен вещам, писал он, не следует упускать тот факт, что прежде помещик не мог купить «в год более 2 пуд. сахару, когда цена оному была по 6 рублей, а теперь тот же самый помещик имеет возможность и достаток покупать в год по 10 и 12 пуд., при цене сахара до 80 рублей за пуд»²⁰.

Итак, несмотря на абсолютный рост импортных цен в годы континентальной блокады, их рост относительно цен экспорта был не столь велик. А самое главное - повышение относительных цен на сырье значительно отставало от увеличения цен на готовую продукцию, что создавало благоприятные условия для развития отечественной промышленности и, следовательно, замещения импортных товаров собственным производством.

Рассмотрим теперь изменение цен в России и других странах Европы (см. табл. 4). Для сравнения цен в Петербурге и за границей были привлечены данные о ценах на основные товары российского экспорта в Лондоне и Гамбурге в виде базисных индексов, т.е. выраженные в процентах относительно какого-то года, принятого за базу. Затем был построен аналогичный индекс для Петербурга (при этом цены были выражены в граммах серебра). Теперь, чтобы определить соотношение цен в Петербурге и Лондоне и Гамбурге достаточно данные индекса по Лондону или Гамбургу за определенный год разделить на соответствующие данные по индексу Петербурга. Что касается цен на товары российского экспорта, то на европейских рынках в годы континентальной блокады они были несколько выше, чем в российских портах. Так, например, в Гамбурге цена пеньки в 1808-1811 гг. была в среднем на 78% выше, чем в С.-Петербурге, цена льна превышала петербургские цены в среднем на 65%, а сала - на 64%. При этом интересно отметить, что в Англии цены на российские товары выросли значительно сильнее, чем на континенте. Цена пеньки в Лондоне в эти годы в среднем превышала цены в С.Петербурге на 112%. Однако если исключить из усреднения цены за 1808 г., то превышение цен в Лондоне составит всего 70% по сравнению с 66% в Гамбурге за тот же период. Иначе говоря, жесткие меры, принятые английским кабинетом в 1808 г., о чем было сказано выше, бумерангом ударили по самой Англии, что и привело к изменению английской политики уже в следующем, 1809 г.

Впрочем, воспользоваться указанной выше разницей цен на экспортные товары отечественным купцам было практически невозможно по причине почти полного отсутствия своих торговых судов. Более того, не рассчитывая на поддержку собственного мореплавания со стороны российского военно-морского флота, даже те купцы, которые имели возможность сами строить корабли (как, например, архангельский купец В. А. Попов²¹), предпочитали строить их на продажу, а не для себя.

Иная ситуация имела место с ценами на импортные товары (см. табл. 5). Несмотря на отмеченный уже общий рост импортных цен, в российских портах они все же поднялись меньше, чем в городах других стран континента. В С.-Петербурге даже максимальные цены кофе, приведенные выше в таблице, в пересчете по вексельному курсу на Гамбург в 1808 г. выросли на 18% по сравнению с 1806 г., тогда как в Лейпциге, где проводилась крупнейшая в Европе ярмарка, их рост составил 59%, а в самом Гамбурге они поднялись на 97%. Точно также цены на сахар рафинад в С.-Петербурге в 1808 г. превышали уровень 1806 г. на 67%, в то время как в Лейпциге на 99%, а в Гамбурге на 140%. В последующие годы этот разрыв только увеличивался. В среднем в 1808-1811 гг. цены на кофе в Лейпциге были выше петербургских на 79%, а цены на сахар - на 36%.

Таким образом, сложились благоприятные условия для включения России в посредническую торговлю. Если раньше доля реэкспорта в общем российском экспорте была невелика, не только по причине отсутствия собственного торгового флота, но и вследствие дороговизны сухопутных перевозок, то теперь значение второго фактора было нивелировано. Более высокие цены на колониальные товары в основных торговых центрах Европы, по сравнению с ценами в российских портах, не только позволяли окупить стоимость транспортировки грузов, но и сулили немалые прибыли. «Для России, - писал К.И. Арнольд, чиновник департамента внешней торговли Министерства финансов, -открылся весьма достопамятной в истории коммерции ея торг всеми родами колониальных товаров: ибо, почти половина Западной Европы получала оные в то время через Радзивилов и Поланген из России»²².

За неимением данных о размерах реэкспорта в 1808-1811 гг. обратимся к цифрам за 1812 г. Они вполне показательны, так как большая часть импорта была закуплена еще до вторжения Наполеона в Россию и официального выхода России из режима континентальной блокады.

В этом году было реэкспортировано 73% от общего импорта кофе. Зато реэкспорт сахарного песка составил только 22,6%, что объясняется значительным спросом на этот товар со стороны развивающейся сахарорафинадной промышленности. С другой стороны, реэкспорт хлопка сырца даже превысил объем его импорта. По всей видимости, это было вызвано как огромным его ввозом в 1811 г. (325,9 тыс. пудов

против 86,9 тыс. пудов в среднем за 1809-1810 гг.), значительно превысившим потребности молодой еще хлопкопрядильной промышленности, так и закрытием большинства мануфактур, оказавшихся летом - осенью 1812 г. в зоне боевых действий.

Всего в 1812 г. было реэкспортировано вышеперечисленных товаров по весу на 387,9 тыс. пуд., из них 305,8 тыс. пуд., или 79%, через западную сухопутную границу. Даже если предположить, что вся посредническая торговля осуществлялась без участия российских купцов, а таможенные пошлины, уплаченные при ввозе товаров, полностью возвращались при их вывозе, что будет явным преувеличением, то и тогда Россия выигрывала от участия в этих операциях²³. И в первую очередь выигрывали крестьяне, которые осуществляли транспортировку транзитных грузов на своих подводах.

Хотя настоящее исследование основано преимущественно на ценах, сложившихся в С.-Петербурге, похожая ситуация имела место и в других российских портах. Разумеется, со своими особенностями. Если на севере после присоединения России к континентальной блокаде торговое мореплавание испытывало значительные трудности, то на юге, напротив, вслед за тильзитскими договоренностями последовала передышка в русско-турецкой войне. В результате оживилась торговля в Одесском порту, который стал перевалочной базой в поставке азиатских товаров, и прежде всего хлопка-сырца, в Европу. Только за 1808 г. стоимость отправленных из Одессы в Австрию товаров составила 10,8 млн руб. Соответственно возросли и заработки тех, кто занимался перевозкой этих товаров. Так, например, в начале сентября 1808 г. за транспортировку товаров из Одессы до Радзивилловской таможни, расположенной на границе с Австрией, брали от 135 до 175 коп. с пуда груза²⁴.

Отдельно стоит сказать об Архангельском порте, который в годы континентальной блокады переживал свой второй «золотой век». Оживлению архангельской торговли способствовало не столько удаленность от С.-Петербурга (т.е. менее строгое наблюдение за выполнением условий континентальной блокады), сколько сравнительная безопасность торговых путей от действий как английских крейсеров, так и французских каперов. Поэтому, когда в 1809 г. возобновились рейсы американских судов из США в Европу, они стали приходить не в С.-Петербург, как раньше, а в Архангельск. Усиленные привозы колониальных товаров привели к тому, что если в 1797-1807 гг. объем импорта в Архангельске не превышал в среднем полмиллиона рублей, то в 1809-1811 гг. он возрос до 9,4 млн руб. в год. Даже с учетом четырехкратного обесценения рубля за это время импорт вырос более чем в 5 раз. По свидетельству историка, «привозными товарами переполнялись купеческие амбары и палаты гостиных дворов»²⁵.

В результате цены в Архангельске оказались под серьезным давлением. По данным С. Гирниуса, относительные цены импортных товаров были в Архангельске существенно ниже цен в С.-Петербурге, так что разрыв с европейскими ценами на колониальные товары оказался еще больше. В среднем в 1808-1811 гг. цены на кофе в Лейпциге были выше архангельских на 99%, а цены на сахар - на 72%. Таким образом, даже из Архангельска, который раньше обслуживал в основном близлежащие губернии и отчасти Москву, становилось выгодным возить грузы в Европу, доставляя при этом дополнительный заработок крестьянам, занимавшимся извозным промыслом.

В заключение необходимо отметить, что изучение динамики цен в годы континентальной блокады должно быть продолжено. Необходимо расширить как временные рамки исследования, так и, по возможности, увеличить количество товарных статей, включенных в базу расчетов, привлекая, в частности, цены на экспортные и импортные товары в других российских портах, помимо С.-Петербурга. Вместе с тем уже первые результаты позволяют говорить о том, что негативные последствия континентальной блокады для российской экономики сильно преувеличены. После шока, испытанного российской внешней торговлей в 1808 г. ситуация в торговле неуклонно улучшалась безотносительно к тому, насколько строго соблюдались условия блокады. В промышленности значительный рост цен на привозные товары сопровождался более умеренным ростом цен на сырье, что создавало условия для заведения их производства в России и тем самым снижения цен в будущем. Наконец, разница между ценами на колониальные товары в российских портах и в основных европейских торговых центрах привела к тому, что Россия также получила возможность принять участие в международной посреднической торговле.

Все это, вместе взятое, способствовало быстрому преодолению негативных эффектов от разрыва традиционных торговых связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В связи с ликвидацией Министерства коммерции газета «С.-Петербургские коммерческие ведомости» была присоединена к газете «Северная почта», которую с 1809 г. издавало Министерство внутренних дел. Объем и регулярность публикации статистических данных в новом издании были существенно меньше.

² Подр. см.: *Трошин Н.Н.* План финансов Сперанского и его реализация (Русские финансы накануне Отечественной войны 1812 года) //1812 год: Люди и события великой эпохи: Материалы междунар. конф. Москва, 23 апреля 2009 г. М., 2009. С. 178-181.

³ Международный научный комитет по истории цен был создан в конце 1920-х годов по инициативе сэра Вильяма Бевериджа, директора Лондонской школы экономики, и Эдвина Гэя, профессора Гарвардского университета. В марте 1929 г. им удалось получить грант от Фонда Рокфеллера в размере 50 тыс. долл. в год сроком на 5 лет на исследования в области истории цен. В декабре 1933 г. на эти исследования были выделены дополнительно 75 тыс. долл.

⁴ *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII - XIX вв.). Л., 1985. С. 14.

⁵ *O'Rourke K.* The worldwide economic impact of the French Revolutionary and Napoleonic Wars, 1793-1815 // *Journal of Global History.* 2006. №1. P. 123-149.

⁶ *Злотников М.Ф.* Континентальная блокада и Россия, М.;Л., 1966. С. 141-143.

⁷ *Girnius S.A.* Russia and the Continental Blockade: Unpublished PhD Thesis. Chicago, 1981. P. 233-235.

⁸ *Карцов Ю., Военский К.* Причины войны 1812 года. СПб., 1911. С. 49-53.

⁹ В «Государственной внешней торговле 1812 года в различных ее видах» приведены цены только по С.-Петербургу, с 1813 г. к ним добавляются цены по Архангельску (только по экспорту), Риге, Одессе и Таганрогу. В 1815 г. вместо Архангельска даны цены на экспортные и импортные товары в Москве.

¹⁰ Пипа (от англ. pipe - бочка) - мера жидкости в некоторых странах Европы, равная, в зависимости от страны, примерно 570 л.

¹¹ Подробнее о действиях английского военно-морского флота см.: *Ryan A.N.* The Defence of British Trade with the Baltic, 1808-1813 // *The English Historical Review.* 1959. July. Vol. 74, № 292. P. 443-466.

¹² В. Сироткин считает, что принятие «Положения о нейтральной торговле» стало началом таможенной войны между Францией и Россией, которая предшествовала Отечественной войне 1812 года. См.: *Сироткин В.Г.* Наполеон и Россия, М., 2000. С. 145.

¹³ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. III. С. 471, 472.

¹⁴ *Неболсин Г.П.* Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835. Ч. I. Ведомость о привозе.

¹⁵ В Европе континентальная блокада, как известно, способствовала возникновению новой отрасли по производству сахара из свеклы. В России массовому распространению этого опыта в те же годы мешала фискальная политика правительства. Дело в том, что побочным продуктом выварки сахара из свеклы являлся спирт, производство и продажа которого жестко регламентировалась в интересах казны.

¹⁶ *Неболсин Г.П.* Указ. соч. Ведомость о привозе.

¹⁷ *Туган-Барановский М.И.* Избранное: Рус. фабрика в прошлом и настоящем. Ист. развитие рус. фабрики в XIX в. М., 1997. С. 128.

¹⁸ *Яцунский В.К.* О влиянии континентальной блокады на русскую хлопчатобумажную промышленность // Вопросы народного хозяйства СССР, М., 1962. С. 308. Заметим, что известный французский экономист Ж.Б. Сэ, бывший последователем теории А. Смита о свободе торговли и потому принципиальным противником континентальной блокады, после ухода с государственной службы занялся именно организацией хлопкопрядильного производства.

¹⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX в. М., 1962. Т. 4. Сер. 1. С. 114.

²⁰ *Мордвинов НС.* Избр. произведения. М.: ОГИЗ, 1945. С. 94.

²¹ Об архангельском купце В.А. Попове см.: *Огородников С.Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении, СПб., 1890. С. 267-270.

²² *Арнольд К.* Мнение о системе тарифа в России. СПб., 1816. С. 3.

²³ Согласно расчетам департамента внешней торговли Министерства финансов, стоимость реэкспорта в 1812 г. более чем на 10 млн руб. превышала стоимость импорта того же объема товаров. См.: Государственная внешняя торговля 1812 года в различных ее видах. Табл. IX.

²⁴ С.-Петербургские коммерческие ведомости. 1808. № 41, 8 окт. С. 162.

²⁵ *Огородников С.Ф.* Указ. соч. С. 252, 257, 266.